

НИНА СЕМЕНОВНА ГАНЦОВСКАЯ

доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии
Костромской государственной университет (Кострома, Российская Федерация)
Gantsovsky_n@mail.ru

ЕЛЕНА БОРИСОВНА ВОЛКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков И-13
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) (Москва, Российская Федерация)
lenka@mail.mipt.ru

ЛИДУН ЦИНЬ

аспирант кафедры отечественной филологии
Костромской государственной университет (Кострома, Российская Федерация)
qinlidong@mail.ru

РАЗВИТИЕ СРЕДСТВ ГИПОТАКСИСА В ПОСЛЕПУШКИНСКУЮ ЭПОХУ: ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА А. Н. ОСТРОВСКОГО «СНЕГУРОЧКА»*

Рассматриваются средства выражения грамматического значения в гипотактических условных конструкциях современного русского языка на материале текста произведения А. Н. Островского позднего периода «Снегурочка». Ставится задача анализа генетически разновременных по происхождению и разных по степени монолитности выражаемого ими значения подчинительных союзов в аспекте оппозиции книжное/разговорное. Привлекаемый для исследования драматургический материал романтической пьесы-сказки позволяет показать характерные особенности синтаксиса русского литературного языка послепушкинского периода в преддверии новых литературных тенденций: утверждение господства моносемантического союза *если* и его нейтральный стилистический характер и в то же время достаточно активное употребление архаических для кодифицированного литературного языка синкретических союзов с ярко выраженной народно-разговорной окраской *коли*, *кабы*, *когда*. Все они значатся в списке Тысячи самых частотных слов произведений А. Н. Островского, имея соответствующий ранг и показатель частотности, где самые высокие показатели принадлежат союзам *если* и *коли*. Авторы приходят к выводу, что «Снегурочка» демонстрирует почти полный набор лексико-грамматических средств – союзов условных сложноподчиненных предложений, применяемых А. Н. Островским в репликах героев его многочисленных пьес как книжного типа, характерного для кодифицированного литературного языка, так и разговорного, стоящего на периферии литературного языка, с уклоном в архаику и народное просторечие. Последними, как правило, являются синкретические союзы. Все это способствует эффективному выполнению художественных задач, поставленных драматургом, и одновременно является мерилем степени развития гипотактических средств русского литературного языка в ближайшие десятилетия послепушкинской эпохи.

Ключевые слова: гипотаксис, подчинительные условные союзы, книжное/разговорное, Островский, «Снегурочка»

Для цитирования: Ганцовская Н. С., Волкова Е. Б., Цинь Лидун. Развитие средств гипотаксиса в послепушкинскую эпоху: весенняя сказка А. Н. Островского «Снегурочка» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 82–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.436

ВВЕДЕНИЕ

Слова В. Я. Лакшина, одного из лучших исследователей А. Н. Островского, произнесенные в конце прошлого столетия, в полной мере актуальны и сейчас:

«Островский продолжает полнокровно жить на современной сцене, но не менее важно то, что он по праву считается частью классической русской литературы XIX века. Традиция читать Островского, а не только видеть на сцене повелась не со вчерашнего дня» [4: 5].

С именем А. Н. Островского связан определенный этап развития русского литератур-

ного языка послепушкинского периода, когда интенсивно происходило сближение книжной, генетически церковнославянской его основы с живой разговорной речью. Именно его драматургическое творчество обеспечило и во многом узаконило мощный приток демократических элементов как в области лексики, так и грамматики во все сферы и жанры русского стандартного языка.

«Речь героев в пьесах Островского, ярко индивидуальная, представляющая собой сплав общественно значимых и неповторимо-личных черт, нейтральных

и аффективно окрашенных, вместе с тем отражает типические черты национального русского языка определенного периода, выявляет специальные черты той или иной культурной среды» [1: 496].

Средства гипотаксиса в области предикативных конструкций в русском литературном языке, как известно, в основных своих чертах сложились к XVII веку, но их развитие с разной степенью интенсивности в разных жанрах, стилях и культурных практиках национального языка продолжалось и в последующие эпохи, полностью не завершилось оно и к настоящему времени. Тексты драматургии А. Н. Островского, отражающие живой русский язык 40–80-х годов XIX века, в этом отношении являются живой летописью эпохи.

В. Д. Левин, соотнося признаки книжности/разговорности (далее К/Р) в лексике и грамматике с понятиями сильная и слабая позиция в фонологии, определял роль лексики в тексте как носителя сильной позиции разговорности, а грамматики – слабой позиции [5]. Иное дело – союзы в составе гипотаксических конструкций. Будучи главным показателем синтаксических отношений в конструкции и одновременно лексическим средством, союзные скрепы являются мерилем степени К/Р текста и поэтому могут отражать ту или иную позицию члена этого противопоставления в зависимости от своего типологического статуса или же ситуационных условий. Книжную, ее же можно признать для того времени нейтральной, то есть внежанровой, внестилевой – если они оформились как моносемантические союзы, в первую очередь это союзы *если*, *ежели*, разговорную – если они многозначны, как, например, союзы *когда*, *как*, пограничные между условными и временными. Союзы *кабы*, *коли*, уже сформировавшиеся в позднем средневековье как специфически условные, типичные для широкой народно-разговорной среды и в послепушкинский период, но чуждые рафинированной книжной речи, надо также признать маркерами сильной позиции разговорности.

В пьесах А. Н. Островского разных периодов и разного содержания, отражающих речь относительно «образованной», «малообразованной» и «необразованной» части русской публики середины XIX века, функционируют условные подчинительные союзы с разной степенью проявления К/Р: нейтральные союзы *если*, *ежели*, характерные для книжной и разговорной речи (последний все же имеет некоторый оттенок архаичности, стоит ближе к периферии книжной речи), и союзы с яркими приметами разговорности *коли/коль*, *кабы*, *когда*, *как*. Все они значатся в списке Тысячи самых частотных слов произведений А. Н. Островского. В ранге частотности союз *если* занимает 56-е место и насчитывает 2278 употреблений, ранг *ежели* 133, ча-

стотность 179. Статистика других союзов такова: *когда* (ранг 88, частотность 1404), *коли* (146, 817), *кабы* (400, 288), *коль* (988, 109), *как* (17, 7960). Союз *как* в этом списке сверхчастотен, но он исключительно многозначен, и сведений о его употребительности в роли условного союза, как и остальных союзов, в источнике нашей информации нет [7].

Пьеса в стихах «Снегурочка» позднего периода творчества писателя и по жанровым признакам (она определена автором как весенняя сказка), и по особенностям языка, приближенному к речи продвинутой части русской интеллигенции в преддверии серебряного века, который не совсем верно было бы характеризовать только как фольклорную стилизацию, представляет своеобразное явление в творчестве драматурга. В целом ее можно определить как романтическое произведение, имеющее многие переклички с современностью. Более детально об истоках пьесы, ее рецепции, поэтике, своеобразии в контексте драматургии А. Н. Островского, характере языка и др. см., например, в [6]. В «Летописи жизни и творчества А. Н. Островского» следующим образом описывается история создания пьесы:

«1873. 9 марта. Комиссия управления императорскими московскими театрами. . . в связи с ремонтом Малого театра и необходимости на сцене Большого театра размещать драматическую, оперную и балетную группы решила поставить спектакль-феерию, где были бы задействованы все три группы. С предложением написать такую пьесу в короткий срок обратились к Островскому. Он решил взять сюжет народной сказки “Девочка-снегурочка” и просил комиссию музыку заказать П. И. Чайковскому. 9 марта Островский закончил черновую редакцию 1-го действия “Снегурочки”» [3: 94].

Представляет интерес, как использовал А. Н. Островский в аспекте К/Р арсенал условных подчинительных союзов русского языка в тексте этой романтической сказки. Дадим полный список условных союзов в контексте речей персонажей пьесы «Снегурочка».

ЕСЛИ. Союз встречается в речи почти всех персонажей пьесы: Снегурочки (два раза), Царя (три раза), Брусило, Мураша, Мизгиря (два раза), Леля. Примеры показывают: союз универсален и может использоваться персонажами разных социальных групп и в разных ситуациях. Его типологический статус как нейтрального моносемантического союза вполне сложился:

«...союз *если* не имел строгой стилистической закреплённости, постепенно расширяется сфера его использования, он проникает во все жанры языка, распространение *если* в письменном языке поддерживается употреблением его в разговорной речи. В современном русском литературном языке *если* – основной союз в условных сложноподчиненных предложениях» [2: 242].

Снегурочка. *А если / Не по сердцу придёт-ся?* (с. 28)¹. Брусило. *А если нам от новой взятки гладки, / Куда ж тогда?* (с. 37). Царь. *Не думай ты, что если нет убийств / И воровства...*

(с. 57). Царь. *Красавица, поверь, что если б громы / Средь ясного безоблачного неба / Раскатами внезапно возгремели, / Не так бы я дивился, как дивлюсь / Словам твоим бесхитростным* (с. 66). Мураш. *Заставь молить прощенья / У ног ее, а если не захочет, / Тогда карай грозой своей* (с. 70). Мизгирь. *Ни слова я не молвлю в оправданье; / Но если б ты, великий царь, увидел / Снегурочку...* (с. 71). Царь. *Но если правда, как же / Не гневаться подателю тепла?* (с. 75). Мизгирь. *А если нет – пускай меня карает / Закон царя и страшный гнев богов!* (с. 77). Снегурочка. *О, если все такая / Живет любовь в народе, не хочу, / Не буду я любить* (с. 88). Лель. *Если / У глупого мальчонка-пастуха / Рассудка нет, так вещим сердцем сыщет / Подружку он* (с. 94). КОЛЬ. Союз характерен для речи Мороза, Снегурочки, Малуши, Малыша, Купавы. Разговорно-просторечный характер союза *коль* (варианта *коли*) и большая степень клишированности контекстов с ним очевидны. Союз характерен для устойчивых оборотов *коль есть охота, коль правда, коль хочешь, коль сунешься...*

«Уже в период старорусской письменности союз *коли* был приметой разговорной речи. В деловом жанре он встречается в грамотах, отражавших живой язык...» [2: 245].

Мороз. *От скуки пой, пляши, коль есть охота, Чего еще?* (с. 12). Снегурочка. *Коль правда то, что девку не минует / Пора любви и слез по милом, ждите, / Придет она.* Бобыль. *Коль хочешь, / Играй и пой Снегурочке: но даром...* (с. 32). Малуша. *Найдите / Получше нас. Коль мы не хороши* (с. 37). Малыш. *Смотри, / Коль сунешься, не пьтсья* (с. 42). Снегурочка. *Пригоженький, послушай! / Коль хочешь ты, чтоб сердце не болело / У беденькой Снегурочки, с другими / Девицами водиться перестань!* (с. 85). Купава. *Подружку? Нет собачку, / Гони и бей, коль ласка надоест* (с. 94).

Как кажется, в этих текстах *коль* выступает в качестве средства исторической стилизации. Разговорный характер союза подчеркивается редукцией конечного *и* в союзе-частице *ли*, исторически второй составляющей части союза *коли*.

«Вопросительная частица *ли* в памятниках древнерусского языка выступала иногда в качестве союза в сложноподчиненных условных предложениях... Б. В. Лавров считает, что по мере того, как условное предложение все более отходило от значения вопроса, с которым оно генетически связано, вопросительной частице *ли* трудно было закрепиться в роли условного союза» [2: 238].

ЛИ. Однако в «Снегурочке» мы видим пример употребления *ли*, этого древнего союзного средства условного придаточного. В. Л. Георгиева полагает, что *ли* как условный союз может иметь варианты *или, али* [2: 238]. Однако в нижеследующем примере их вряд ли можно считать таковыми. Скорее они выступают как разделительные союзы.

Мороз. *Слушай, Леший, / Чужой ли кто, иль Лель-пастух пристанет / Без отступа, аль силой взять захочет / Чего умом не может: заступись* (с. 18).

КОГДА. Предложения с синкретическим союзом *когда*, совмещающем временное и условное значение, нередки в «Снегурочке». Они встречаются в речах Весны, Царя, Снегурочки, Купавы, Леля и носят экспрессию разговорности вследствие неточности обозначения условно-следственных отношений.

Весна. *Снегурочка, когда тебе взгрустнется, / Или нужда в чем... – ты приди / На озеро, в Ярилину долину, / Покличь меня* (с. 18). Царь. *Не думай ты, что всё благополучно, / Когда народ не голоден, не бродит / С котомками, не грабит по дорогам* (с. 57). Бобылиха. *Того гляди умрет, когда с насады, / Допляшется* (с. 79). Снегурочка. *Пригоженький, когда настанет время / Снегурочке любить, уж никого-то / Опречь тебя не полюблю* (с. 85). Купава. *Без жалобы отстану, только взглядом / Слезящимся скажу тебе, что я, мол, / Приду опять, когда поманишь* (с. 94). Лель. *Время / Узнать тебе, как сердце говорит, / Когда оно любовью загорится* (с. 95).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, «Снегурочка» демонстрирует почти полный набор лексико-грамматических средств – союзов условных сложноподчиненных предложений, применяемых А. Н. Островским в репликах героев его многочисленных пьес, как книжного типа, характерного для кодифицированного литературного языка, так и разговорного, стоящего на периферии литературного языка, с уклоном в архаику и народное просторечие. Последними, как правило, являются синкретические союзы. Все это способствует эффективному выполнению художественных задач, поставленных драматургом, и одновременно является мерилем степени развития гипотактических средств русского литературного языка в ближайшие десятилетия послепушкинской эпохи.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00809 «Диалектное исследование лексики и ономастики Костромского края».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Островский А. Н. Сочинения: В 3 т. Т. 1. Пьесы. 1850–1861. М.: Изд-во худож. лит., 1987. 527 с. Далее цитируется по этому изданию, в скобках указывается страница.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ганцовская Н. С. Язык драматургии Островского // А. Н. Островский. Энциклопедия / Гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. С. 496–498.
2. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение / Под ред. акад. В. И. Борковского. М.: Наука, 1979. 464 с.
3. Кайдаш-Лакшина С. Н. Летопись жизни и творчества А. Н. Островского: Статьи. М.: Лазурь, 2013. 240 с.
4. Лакшин В. Я. Мудрость Островского // Островский А. Н. Сочинения: В 3 т. Т. 1. Пьесы. 1850–1861. М.: Изд-во худож. лит., 1987. С. 5–30.
5. Левин В. Д. Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы. М.: Наука, 1971. С. 9–97.
6. «Снегурочка» в контексте драматургии А. Н. Островского: Материалы научно-практической конференции. Кострома: Литературный музей-филиал Костр. гос. историко-арх. музея-заповедника, 2001. 152 с.
7. Тысяча самых частых слов. Частотный словарь языка А. Н. Островского // А. Н. Островский. Энциклопедия / Гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. С. 655–658.

Поступила в редакцию 05.08.2019

Nina S. Gantsovskaya, Doctor of Philology, Kostroma State University
(Kostroma, Russian Federation)
Gantsovsky_n@mail.ru

Elena B. Volkova, PhD in Philology, Moscow Aviation Institute (National Research University)
(Moscow, Russian Federation)
lenka@mail.mipt.ru

Lidong Qin, Postgraduate Student, Kostroma State University
(Kostroma, Russian Federation)
qinlidong@mail.ru

**DEVELOPMENT OF HYPOTAXIS MEANS IN THE POST-PUSHKIN ERA:
A. N. OSTROVSKY'S SPRING TALE SNEGUROCHKA***

The article deals with the means of expressing the grammatical meaning in hypotactic conditional constructions of the modern Russian language using A. N. Ostrovsky's latest period work *Snegurochka*. The authors set the problem of analyzing subordinate conjunctions, which are genetically asynchronous in origin and differ in the extent of integrity of the meaning they express, in the aspect of literary/colloquial opposition. The drama of the romantic play-tale engaged for the research allows to display specific traits of Russian literary syntax in the post-Pushkin period in anticipation of new literature tendencies: increasing domination of the monosemantic conjunction *yesli* with its neutral stylistic nature, and at the same time quite frequent implementation of the syncretic conjunctions with salient colloquial connotations *koli*, *kaby*, *kogda*, at the time being archaic for the codified literary language. All these conjunctions are included in the list of a thousand of the most frequent words of A. N. Ostrovsky's works having a respective rank and frequency index, with the conjunctions *yesli* and *koli* having the highest indices. The authors come to the conclusion that *Snegurochka* shows almost the complete set of lexical and grammatical devices – i. e., the conjunctions of conditional subordinate clauses employed by A. N. Ostrovsky in his numerous plays characters' speech both as a book type characteristic of codified literary speech and the colloquial one with the bias to literary language inclining towards antiquity and vulgar tongue. The latter are usually syncretic conjunctions. All these factors contribute to the efficient accomplishment of the artistic tasks set by the playwright and serve as a yardstick for measuring the degree of development of the hypotactic means of the Russian literary language in the first decades of the post-Pushkin era.

Keywords: hypotaxis, subordinate conditional conjunctions, literary/colloquial, Ostrovsky, *Snegurochka*

* The article was written with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research. Project No 18-012-00809 "Dialect study of vocabulary and onomastics of Kostroma region".

Cite this article as: Gantsovskaya V. S., Volkova E. B., Qin Lidong. Development of hypotaxis means in the post-Pushkin era: A. N. Ostrovsky's spring tale *Snegurochka*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 82–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.436

REFERENCES

1. Gantsovskaya N. S. Ostrovsky's drama language. *A. N. Ostrovsky. Encyclopedia* (I. A. Ovchinina, Ed.). Kostroma, Shuya, 2012. P. 496–498. (In Russ.)
2. Historical grammar of the Russian language. Syntax. Compound sentence (V. I. Borkovsky, Ed.). Moscow, 1979. 464 p. (In Russ.)
3. Kaidash-Lakshina S. N. The chronicle of A. N. Ostrovsky's life and creative work. Articles. Moscow, 2013. 240 p. (In Russ.)
4. Lakshin V. Ya. Ostrovsky's wisdom. *Ostrovsky A. N. Collected works. In three vols.* Vol. 1. Plays. 1850–1861. Moscow, 1987. P. 5–30. (In Russ.)
5. Levin V. D. Literary speech and fictional narration. *Language issues of modern Russian literature*. Moscow, 1971. P. 9–97. (In Russ.)
6. *Snegurochka* in the context of A. N. Ostrovsky's drama. Kostroma, 2001. 152 p. (In Russ.)
7. A thousand of the most frequent words. Frequency dictionary of A. N. Ostrovsky's language. *A. N. Ostrovsky. Encyclopedia* (I. A. Ovchinina, Ed.). Kostroma, Shuya, 2012. P. 655–658. (In Russ.)

Received: 5 August, 2019